

О.В. Голубкова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Olga-11100@yandex.ru*

Невидимость как символ иномира в нарративах переселенцев из Полесья

Во время полевых исследований в Маслянинском р-не Новосибирской обл. были записаны фольклорные тексты о невидимых людях. Жители нескольких селений – потомки переселенцев начала XX в. из Полесья – региона, где хорошо сохранились архаические элементы славянской мифологии. Записаны нарративы о встречах с незримыми духами, о похищении ими людей, о их происхождении и жизни в ином мире. Их можно встретить в поле, в лесу, около водоема, на дороге, на сельских улицах в темное время суток или в полдень. Невидимость является признаком, который подчеркивает принадлежность персонажа к иному миру, отделяет его от мира людей, символизирует бестелесность. Глубина архетипических представлений об ином, параллельном мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ним символов и отобразилась в новых сюжетах сказочной устной прозы.

Ключевые слова: мифология, иной мир, невидимые люди, нечистая сила, Полесье, сибирские переселенцы, славянский фольклор.

O.V. Golubkova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Olga-11100@yandex.ru*

Inconscious as a Symbol of Another World in the Stories of Migrants from Polesie

The Folklore texts about an “invisible people” were written down in the Maslyaninsky district of the Novosibirsk region during the field research by author. An informants are the residents of several villages, the descendants of migrants from Polesie at the beginning of the 20th century. Archaic elements of Slavic mythology are well preserved In Polesie. The author had recorded narratives about contacts with invisible spirits, about people who were abducted by them, about their origin and life in the another world. Invisibility is a attribute that emphasizes the character’s belonging to the another world, separates him from the world of people, symbolizes his incorporeality. The antiquity of the archetypal conception of another world probably provided the viability of symbols associated with another world, and was reflected in an ethnic oral tradition.

Keywords: mythology, another world, invisible people, devilry, Polesie, Siberian immigrants, Slavic folklore.

В 2016–2018 гг. проводились полевые исследования в ряде населенных пунктов Новосибирской обл. с целью выявления локальной специфики мифологических представлений у потомков русских и украинских переселенцев рубежа XIX–XX вв., определения степени их сохранности и актуализации в современных условиях. Полученный материал позволил сделать выводы об особенностях мифоритуального комплекса в селах Пряmsкое, Борково и д. Петропавловка Маслянинского р-на, где живут потомки переселенцев из Полесья: Черниговской (ПМА, 2016, 2018), Брянской (села Буда,

Струговская Буда), Курской губ. (Белгородский у.) и Белоруссии (Гродненская губ.) [Фурсова, 2011, с. 304], прибывших в Николаевскую вол. Барнаульского у. Алтайского горного окр. в 1909–1912 гг. «Обосновавшись в предгорьях Салаирского кряжа, местные жители жили одним коллективом с сохранением значительной роли натурального хозяйства, форм народного самоуправления, во многом традиционного образа жизни. <...> Здесь сложилась целостная система календарных обычаев и обрядов со всеми взаимосвязями составляющих элементов (слова, музыка, действия, танцы), которая все эти

годы поддерживалась межпоколенной передачей традиций» [Там же]. Тоже самое можно сказать о высокой степени сохранности мифологических представлений, восходящих к дохристианским верованиям, которые из поколения в поколение передавались в виде сюжетов несказочной устной прозы и являлись значимым компонентом мировоззрения.

Во время полевых исследований 2016 и 2018 гг. были записаны нарративы о персонажах иного мира, в том числе о *невидимых людях*. Жители с. Прямское их называли *невидимцы*, *невидимки*, *невидимые люди*, иногда – *ведьмы*, *домовые* (не отождествляя с домашним духом), в Петропавловке и Борково чаще употребляли наименование *нечистая сила*, в качестве одного из ее характерных признаков называли *невидимость* (ПМА).

Представления о *невидимой (невиданной) силе* известны в различных регионах России. *Невидимками* могли считать проклятых, похищенных, пропавших без вести людей, иногда к ним относили *нечистую силу*. Русские крестьяне верили, что окружающий их мир насыщен разнообразными силами и существами неопределенного облика. Все они сосуществуют с человеком, могут влиять на жизнь людей, но часто при этом остаются незримыми, невидимой силой [Власова, 1998, с. 345]. «Невидимка – род нежити, домового; он невидимо берет все съестное, что полюбится, в лавках и харчевнях; если станет на запятках свадебного поезда, то лошади ни с места» [Даль, 1881, с. 520]. Очевидно, невидимость является признаком, который подчеркивает принадлежность персонажа к иному миру, отделяет его от мира людей, символизирует его бестелесность.

Невидимых людей представляли обитателями различных природных локусов: их можно было встретить в поле, в лесу, около водоема, на дороге, на сельских улицах. Появлялись обычно в темное время суток или в полдень. *Невидимцы* – это те же самые домовые, только как мужики (ПМА: Прямское, 2018). *Гулять девки не ходили в клуб, потому что боялись, что их заберут к себе невидимцы. А сейчас их уже нигде нету, ни в той речке, в плесах. Раньше везде жили. В болотах жили, в озере, в трущобу в якую, везде были. Солнце зайдет, из хаты страшно выйти, боялись этих домовых* (ПМА: там же). *В двенадцатом часу бачим бричка. Думали что Гришка на бричке ехал, а это были невидимцы. Три пары коней и целый воз сена. Едут, только шум стоит. Матка нам говорит: Девки давайте ховаться. Мы в пригон сховались. Они мимо проехали. Мы тогда повывлезли, в хату скорее побегли. Их боятся, потому что они людей забирают* (ПМА: там же, 2016).

Невидимые представители иного мира похищали людей (обычно детей, девушек, молодых женщин),

забирая их навсегда или на некоторое время (чаще всего называли срок в три года). *У одной муж уехал, а жена осталась с ребенком. Ну куда раньше детей девать? С собой брали в поле. Она положила ребенка, а сама жать пошла. Муж приезжает, видит: ребенок один, а жены нету. Он стал искать, звал, кричал. Не откликается... Через три года появилась домой. Стали спрашивать: «Ты где была?» И вот она рассказала. Подъехала телега. Мужчины посадили ее на телегу, забрали и увезли. Куда увезли, говорит, сама не знает. Очнулась в доме. Скот кричит. Всё как у людей, и варят, и все так же делают. У этого мужика родила жена и умерла, ребенка нечем кормить. Вот они ее забрали до тех пор, пока она не выкормила их ребенка. До трех лет вырастила, тогда они ее привезли туда же, откуда забрали (ПМА: Прямское, 2018). Раньше было в Новопокровке, гуляла на улице девка. Пришел невидимец и забрал девку. Три года она жила у невидимцев. А там дурачок жил. Его матка померла, а он с приветом был. Вышел на колодочку, да и сидит на лужайке. Бачит, их столько идет много. И эта девка подошла, ее Варвара звали. Он говорит: «Варвара, это ты?» Она: «Я». Он ей говорит: «Пойдем, я тебя домой отведу». А невидимцы не пускают, за руки ее тянут. А этот дурачок тогда заматерился. Они, когда матерятся, крепко боятся. Заматерился, тогда они кинули ее и ушли. Он повел ее к отцу, к матери. Ну что, она потом пожила только год, да и померла. А потому что она уже сделана была так невидимцами. Ей надо было уже жить у невидимцев (ПМА: там же). Была здесь бабушка повитуха. Ночью приезжают к ней два мужика. Солидные, сами в шляпах, в темноте под шляпами лиц не видно. На карете приехали, карета с двумя лошадыми. Вежливые, просят, чтобы поехала к роженице. Ей отказать нельзя. Увезли. Ее не было три года. Ровно через три года в то же время ее привезли обратно. Она говорит, что ее не было всего три дня. Это ее забирали невидимые люди, у них там женщина рожала (ПМА: Петропавловка, 2016).*

Происхождение *невидимых людей* для многих неизвестно. *Черт их знает, откуда берутся. Мы ничего про них не знаем. А теперь их уже нигде нету, потому что их выжили* (ПМА: Прямское, 2018). В с. Прямском записана легенда о Евиных детях. Раньше по Библии читали, что Ева родила двадцать четыре ребенка. Бог у нее спрашивает: «Ева, сколько у тебя детей?»... А ей стыдно было признаться, что столько детей, и она соврала, наполовину меньше сказала: «Двенадцать». А Господь-то все знает. Говорит: «Ну вот, соврала ты мне. Значит пусть будет у тебя двенадцать видимых и двенадцать невидимых». И вот невидимые люди также живут, как и мы. Скот держат,

дома у них свои. Но мы их не видим (ПМА: там же). Иногда происхождение невидимок связывали с пропавшими детьми, которые были прокляты их родителями или с младенцами, умершими некрещеными. Мать в сердцах сказала девочке: «Чтоб тебе пусто было!» И она исчезла. Ее нечистая сила забрала, невидимой сделала (ПМА: Борково, 2016). Жила здесь Дуня Тузик. Ей дети не нужны были. Рождались, а она их не кормила, морозила, чтобы умирали. Они становятся невидимыми, как нечистая сила (ПМА: Петропавловка, 2016).

В контакт с невидимыми людьми могли вступить знахари и слабоумные (ср. эпитет «не от мира сего»). Были распространены представления, что невидимки живут собственной жизнью в параллельном мире, они не всегда опасны. Свекровь рассказывала. Слышу, говорит, звон телеги, колеса стучат по дороге. Сначала стук, а потом, говорит, слышу голоса детей щебечут. А ночь лунная была летом. Я, говорит, в окно выглянула, смотрю – девочка и мальчик. В белых панамочках, в белых носочках, в туфельках. Что-то шут, собирают возле избушки. С ней была сторожиха старенькая. Свекровь ее спрашивает: «Тетка Маруся, а кто это?» Она говорит: «Не смотри, молчи» (ПМА: Прямское, 2018). Слышу телегу, стукоток стоит. И песни поют. В окошечко выглядываю, а по дороге свадьба едет. Жених, невеста. Ночью все это. И понеслась, пронеслась мимо. Я у бабушки спрашиваю: «Что такое?» Та: «Молчи. Нельзя. Это невидимые люди». Так страшно это, как-то не по себе (ПМА: там же). Женица заблудилась в Провалье (лог за деревней, который местные жители считают мистическим гиблым местом. – О.Г.), слышала там голоса будто из-под земли, а никого вокруг не видно (ПМА: Петропавловка, 2016). Если ты им вреда не делаешь, то и они тебе не делают. Бывает, что на их дорогу что-нибудь выкинешь или выльешь, вот они могут тогда наказать. Мы же не знаем, где они ходят. Была здесь знающая бабушка, ходила на дорогу, в лес, просила их, чтобы простили (ПМА: Прямское, 2018).

Итак, переселившись в Сибирь, выходцы из Полесья и их потомки на протяжении века прекрасно сохранили мифологические представления, связанные с обитателями иного мира – невидимыми людьми. Нарративы об этих персонажах повествуют о событиях, якобы случившихся уже на новом месте, на сибирских землях. Таким образом происходила сакральная адаптация территории, включение ее в мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми персонажами и символами. Люди нескольких поколений на протяжении более ста лет продолжали воспроизводить легенды и былички, сюжеты которых близко повторяют нарративы Полесья – региона с особым этнокультурным колоритом, который

этнографы и фольклористы называют «славянским этнографическим заповедником». «Полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах» [Народная демонология..., 2010, с. 8]. Мифоритуальный комплекс полещуков можно рассматривать как один из признаков этнокультурной идентичности этой локальной группы.

Глубина архетипических представлений об ином, параллельном мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах сказочной устной прозы у потомков переселенцев из Полесья, обосновавшихся в сельской местности на юге Западной Сибири, в предгорьях Салаирского кряжа. Невидимость демонологических персонажей была признаком, который выделялся лексически, подчеркивая особую значимость этого свойства, символизовавшего принадлежность к иному миру.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00028а).

Список литературы

Власова М.Н. Русские суеверия: энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: [Изд. Вольфа, 1881]. – Т. 2. – 810 с.

Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. – 648 с.

Фурсова Е.Ф. Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 303–309.

References

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo iazyka. St. Petersburg: [Izd. Vol'fa], 1881, vol. 2, 810 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Etnokul'turnaia spetsifika kalendarnoi obriadnosti rossiiskikh pereselentsev Prislair'ia nachala XX v. In *Polevyje issledovaniia v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2010 g. Arkheologija, etnografiia, ustnaia istoriia*. Barnaul: Alt. State Ped. Univ. Press, 2011, pp. 303–309 (in Russ.).

Narodnaia demonologija Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010, vol. 1: Liudi so sverkh'estestvennymi svoistvami, 648 p. (in Russ.).

Vlasova M.N. Russkie sueverija: Entsiklopedicheski slovar'. St. Petersburg: Azbuka, 1998, 672 p. (in Russ.).